

Цяо Юаньлинь листал путеводитель. На самой вершине горы Юньци находилась терраса Фуюнь, где до плывущих в вышине густых облаков, казалось, можно было дотянуться рукой. В отзывах писали: не подняться на вершину — значит приехать зря.

Из-за слабого здоровья он редко путешествовал, ограничиваясь прогулками по городским достопримечательностям. Ему хотелось попробовать подняться в горы, но он боялся, что сил на это не хватит.

— Чего ты боишься? — сказала Ин Сяоцун. — Станет плохо — пусть Лян Чэн подлечит. В крайнем случае просто вернемся на полпути.

— Вот именно, — поддакнул Чжэн Яньдун. — А если совсем прижмет, пусть Лян Чэн несет тебя на спине.

Цяо Юаньлинь почувствовал, что эти двое просто издеваются над ним. Решив нанести ответный удар, пусть даже ценой собственной выгоды, он съязвил:

— Если я вдруг помру от усталости на этой горе, брат Яньдун просто проведет вскрытие, а на обратном пути мы устроим поминальный банкет в ресторане «Хайсяньхуэй».

У Лян Чэна даже веко дернулось:

— Наказание ты мое, можешь хоть раз сказать что-нибудь приличное?

Собрав вещи, они двинулись в путь. Цяо Юаньлинь надел белоснежную ветровку, и издалека казался голубем, опустившимся на склоны зеленой горы. Он шел с зеркальной камерой в руках, снимая все подряд, и каждый кадр выходил невероятно живописным.

Лян Чэн шел следом, неся бутылку минеральной воды и оберегая его со спины. Строго говоря, это было его первое настоящее путешествие. В Великобритании он тоже много бродил, но все больше в поисках человека; когда попытка за попыткой оборачивались неудачей, чужбина окончательно потеряла для него всякий интерес.

Пройдя немного, Цяо Юаньлинь углубился в собственные мысли и ни на кого не обращал внимания. Лян Чэн понимал, что тот еще не полностью оправился. Он был похож на послеоперационного больного: недуг побежден, но покидать палату интенсивной терапии еще рано.

Поэтому доктор Лян подошел поближе и заботливо спросил:

— Устал?

Цяо Юаньлинь, как раз фотографировавший искривленное дерево, остановился и покачал головой.

Лян Чэн остановился рядом и, разглядывая дикие плоды на ветках, заметил:

— Их можно есть, но они, скорее всего, кислые. Те крупные, что продаются в супермаркетах — это выведенные селекционерами гибриды.

Когда они проходили мимо пестрой семейки грибов, Лян Чэн произнес:

— А эта штука ядовитая. Встречается в основном на влажном юге.

Вдоль тропинки тянулись кусты, усыпанные синими цветами. Лян Чэн добавил:

— Многолетнее травянистое растение, цветет круглый год.

«Это что, черт возьми, урок практической биологии?» — мысленно возмутился Цяо Юаньлинь. Перед своим исчезновением этот мерзавец оставил ему аккуратную стопку конспектов для подготовки. Сколько долгих ночей он учился сквозь слезы, глядя на эти бумаги и тоскуя по их автору!

Встав в уши наушники, он зашагал вперед с видом, красноречиво говорящим: «Не приставай ко мне».

Лян Чэн лишился дара речи. Он молча открутил крышку бутылки и сделал глоток. Подошедшая Ин Сяоцун хлопала его по плечу:

— Не умеешь заигрывать — лучше не пытайся, только людей смешишь.

Чжэн Яньдун посоветовал:

— Если сам не умеешь, поучись у других.

Тут Лян Чэн заметил молодую пару — молодожены всю наслаждались медовым месяцем. Девушка присела у клумбы сфотографироваться, а ее муж сорвал бутон и нежно вплел ей в волосы у виска. Лян Чэна осенило, и он с размахом нарвал целый ворох цветов.

На склоне показались деревянные домики для отдыха. Цяо Юаньлинь устал и, решив перевести дух, обернулся. Одетый во все черное Лян Чэн со своими ста восемьюдесятью восемью сантиметрами роста выглядел невероятно внушительно. Руками хирурга, привыкшими вскрывать грудные клетки, он с предельно серьезным выражением лица старательно плел венок из синих цветов.

Он не выдержал:

— Что это ты делаешь?

Лян Чэн ответил:

— Хочу надеть на тебя.

Цяо Юаньлинь вдруг поймал себя на мысли, что Лян Чэн сейчас совсем не похож на себя прежнего. Он казался немного неуклюжим и робким — за все время их знакомства Юаньлинь видел его таким впервые. Пока он пребывал в растерянности, Лян Чэн закончил работу и осторожно опустил венок ему на макушку.

Вдохнув нежный цветочный аромат, Цяо Юаньлинь не стал сбрасывать венок. Пользуясь тем, как сильно его балуют, он капризно протянул:

— Я совсем выбился из сил.

Лян Чэн послушно посадил его на спину и стал ровно, шаг за шагом, подниматься по ступеням. Свисающие с венка зеленые листья терлись о их щеки, щекоча кожу, и Цяо Юаньлинь тихонько рассмеялся.

— Супермен.

— М?

— Я стал тяжелее. Если сяду тебе на плечи, выдержишь?

— Ничего страшного. Мои плечи теперь тоже стали шире.

Устроившись на его надежной спине, Цяо Юаньлинь вставил один наушник Лян Чэну. Играла песня «Красная пыль» — строчки о беспечном «ты» в начале пути и наивном «я» в юности врезались в его память давным-давно.

Когда большая часть пути осталась позади и остальные начали выбиваться из сил, Цяо Юаньлинь, напротив, восстановил силы. Он спустился на землю и пошел сам. Каменные ступени сменились подвесной деревянной тропой, вьющейся вдоль скал, а у краев обрыва уже клубилась легкая дымка облаков.

Шел он небыстро, но Лян Чэн все равно отстал на приличное расстояние. Когда тот наконец нагнал его, Юаньлинь спросил:

— Что ты так медленно плетешься? Тебе нужно отдохнуть?

Лян Чэн ответил:

— Я боюсь высоты.

— Боишься высоты, а живешь на пятьдесят втором этаже? — не поверил Цяо Юаньлинь и прикрыл глаза ладонью от солнца. — Ну и пекло. А я тогда боюсь солнца.

Лян Чэн хмыкнул:

— Повтори-ка еще раз.

Поняв, что ляпнул глупость, Цяо Юаньлинь поспешил вперед. Лян Чэн скользнул взглядом по отвесной крутизне обрыва и стер со лба выступившую испарину.

Ближе к вершине ветер становился все сильнее. К террасе Фуюнь вели две дороги: крутая каменная лестница и подвесной мост, перекинутый над пропастью, по которому можно было добраться гораздо быстрее.

Большинство туристов выбирали мост. Ин Сяоцун и Чжэн Яньдун уже перешли на ту сторону, а Цяо Юаньлинь остановился подождать Лян Чэна, достав из кармана недочитанный путеводитель.

Местная легенда гласила, что когда-то небожительница влюбилась в смертного и оказалась заточена на горе Юньци. Юноша пообещал прийти за ней, и она изо дня в день ждала его на мосту. Но минули сотни лет, а возлюбленный так и не появился до самой своей смерти.

В день, когда кара закончилась и небожительница обрела свободу, она бросилась с моста вниз, канув в воды озера Но.

Цяо Юаньлинь невольно зашагал по подвесному мосту. Высота кружила голову, разглядеть воду в глубокой бездне под ногами было невозможно. Дойдя до противоположного конца моста, он поднял камеру, чтобы сделать снимок на память.

В тот самый миг, когда он нажал на кнопку спуска, у начала моста показался Лян Чэн.

Одежда Лян Чэна взмокла от пота. Он ступал тяжело, то и дело замирая на месте, чтобы унять бешеное сердцебиение. Под мостом расстилалась бездонная лесная пропасть. Стоило ему бросить туда мимолетный взгляд, как по вискам градом покатился холодный пот.

Цяо Юаньлинь замахал руками и крикнул:

— Брат, я здесь!

Лян Чэн сделал шаг. Его зрачки сузились, сфокусировавшись на Цяо Юаньлине, а затем взгляд затуманился, и перед глазами расплылось сплошное белое пятно. Шаги давались ему с трудом, но он упорно продолжал идти вперед.

Приблизив изображение через объектив, Цяо Юаньлинь понял: что-то не так. Неужели Лян Чэн действительно до смерти боится высоты?

Дойдя до середины, Лян Чэн вдруг оступился. Черный кожаный ботинок глухо стукнул о настил, словно оборвав его сбившийся пульс, и мужчина, мелко дрожа, опустился на колени.

Сердце Цяо Юаньлиня болезненно сжалось. Наконец-то он понял, откуда взялись эти странные неуклюжесть и робость. Бросив вещи на землю, он бросился вперед. В этот миг налетевший порыв ветра сорвал с его головы венок.

Крупные капли пота непрерывно капали на доски. На руках Лян Чэна, которыми он упирался в настил, вздулись вены. Превозмогая себя, он поднялся на ноги и, покачиваясь, побрел к венку, сиротливо лежавшему у самого края перил. Он сместился к краю, и прямо перед ним разверзлась жуткая бездна, от которой невозможно было укрыть взгляд.

Осознав, что тот собирается сделать, Цяо Юаньлинь в панике закричал:

— Лян Чэн... не надо! Не нужен мне этот венок!

Чем ближе он подходил к ограждению, тем отчетливее перед глазами маячила разверзнутая пропасть. Дыхание Лян Чэна стало тяжелым и хриплым. Он нагнулся, но онемевшие пальцы едва слушались, не позволяя ухватить переплетенные стебли.

Кое-как подобрав венок, он выпрямился. Цяо Юаньлинь был уже на расстоянии вытянутой руки, и Лян Чэн почувствовал, как к нему возвращается странное спокойствие, а перед глазами мало-помалу проясняется.

Напуганный до смерти Цяо Юаньлинь шумно сглотнул:

— Как ты?

Лян Чэн вдруг слабо улыбнулся:

— Мне больше не страшно.

— Почему ты молчал? — с укором воскликнул Цяо Юаньлинь. — Зачем вообще нужно было идти в горы? Пойдем назад, спустимся вниз — куда угодно, я пойду с тобой.

Губы Лян Чэна побелели, но на лице отразилось облегчение. Еще на перроне он предвидел, что Цяо Юаньлиню будет не по себе, и этот мост был частью той боли, на которую он пошел осознанно.

С момента их встречи он сделал немало — и открыто, и негласно, прощупывая почву или проявляя заботу. Он отчаянно пытался построить новые отношения, но так и не сумел начистоту поговорить о былых сожалениях.

В его жизни было три кошмара. Первый — отвращение к кислому. Когда приемный отец впервые избил его в детстве, мальчик не издал ни звука. И тогда Чжао Цзяньчжэ колотил его до тех пор, пока Лян Чэна не вырвало кислым желудочным соком прямо на пол. Его втоптали в эту грязь, и с тех пор от одного только запаха чего-то кислого его выворачивало наизнанку.

Когда-то он даже пристрастился к боли. Поскольку ран на его теле было слишком много, он заставил себя полюбить эти мучения — ведь только так бесконечные бессонные ночи становились хоть немного выносимее.

Когда ему было пять лет, Чжао Цзяньчжэ схватил его за плечи и высунул из окна, собираясь сбросить вниз. Половина его маленького тела висела в воздухе, а в ушах звенели угрозы разбить его вдребезги.

Когда он совершил убийство, это принесло ему не столько облегчение, сколько ощущение конца. Его истерзанной, покрытой шрамами жизни больше не нужно было бороться. Новое клеймо преступника просто выкупило одну безысходность ценой другой.

Но именно в тот судьбоносный день он повстречал Цяо Юаньлиня и спас ему жизнь.

Оказавшись во Второй тюрьме, он обрел то томящее чувство надежды. Он без конца размышлял о том, хороший он все-таки человек или плохой, загоняя себя в замкнутый круг мыслей, от которого едва не сошел с ума.

Он ни на секунду не забывал о Цяо Юаньлине. Напротив, все его мысли крутились вокруг этого ребенка: выжил ли он? Поправился? Будет ли благодарен своему спасителю?

Может ли то, что он в один и тот же день лишил жизни одного человека и спас другого, искупить его вину?

Он даже фантазировал о том, когда-нибудь снова встретит этого мальчика, и тогда ему во что бы то ни стало придется скрыть свое позорное прошлое. Поэтому он не смел забрасывать учебу, усердно осваивал ремонт электроприборов и даже решился попробовать себя в лечении людей.

Это было похоже на то, как если бы в плотно опущенном занавесе прорезали узкую щель, сквозь которую проникал слабый лучик света, не давая погрузиться в кромешную тьму. Он чувствовал, что его еще можно спасти.